

Хуа Чэ сделал паузу и спросил с серьезным выражением лица:

— После того как ты вышел из Мира призраков, ты убивал кого-нибудь?

Скелет покачал головой: кроме Цзо Ци, больше никого.

— Найди себе место и не слоняйся без дела. Если хочешь совершенствоваться, иди на поле битвы и питайся злой энергией, но больше не убивай. Ведь при жизни ты был уважаемым мастером из знаменитой секты.

Сказав это, Хуа Чэ усмехнулся, словно издеваясь над самим собой.

Какой он, в конце концов, Владыка Демонов, у которого руки по локоть в крови, чтобы поучать других!

— Ладно, — Хуа Чэ поднялся, опираясь на колени, и с легкостью достал бумагу и кисть. — Я перечислю все, что ты натворил. Ань Юй, ты ненавидишь секту Шанцин, особенно ее главу, верно? Я не ошибся?

Скелет замер, и в его сознании возникла ужасная мысль. Дрожащими руками он написал:

— Ты... ты действительно...

— Что? — Глаза Хуа Чэ, словно черный нефрит, сверкнули, а на губах появилась безобидная улыбка. — Культиватор-призрак? Захват тела? Брат, ты действительно в это веришь?

Скелет: ...

Черт возьми!

Скелет, несмотря на то что его опутывал Костяной кнут, отчаянно рванулся вперед, чтобы уничтожить Хуа Чэ вместе с собой.

В этот момент Чу Бинхуань, услышав шум, ворвался внутрь с мечом в руках. Убедившись, что с Хуа Чэ все в порядке, он успокоился.

Скелет дрожал всем телом, его черные глазницы пристально смотрели на Хуа Чэ, словно желая разорвать его на куски:

— Обманщик, обманщик!

— Что происходит? — Мужун Са и Линь Янь переглянулись.

— Прощу прощения, я обманул тебя, но... — Хуа Чэ извинился без особых эмоций и посмотрел на взволнованного Ань Юя. — Ты ненавидишь секту Шанцин из-за личных причин, но зачем убивать таких невинных, как Цзо Ци? Разве он виноват?

При этих словах Хуа Чэ почувствовал раздражение.

Его вдруг охватили воспоминания о прошлой жизни, когда Лу Яо, истекая кровью, шел, обнимая мертвые тела, и кричал от боли.

Голова Хуа Чэ раскалывалась, и он, временно оставив Ань Юя в покое, вышел из сарая.

— Что случилось? — Мужун Са поспешил спросить.

Хуа Чэ потер виски и ответил:

— Я притворился культиватором-призраком, чтобы вытянуть из него информацию.

— Что? — Вэнь Юань был потрясен.

Хуа Чэ с серьезным видом продолжил:

— Это тело я захватил, а сам я был когда-то выдающимся учеником секты Шанцин.

Длинноносый с презрением фыркнул:

— Какой же ты врун.

Хуа Чэ пожал плечами и вздохнул:

— Жаль, но этот парень оказался крепким орешком, даже имя не удалось вытянуть.

— погоди! — Длинноносый прервал его, серьезно спросив. — Во-первых, зачем тебе притворяться учеником секты Шанцин? Разве другие секты не подошли бы? Во-вторых, ты мог допрашивать его в одиночку, зачем устанавливать барьер? О чем вы там говорили?

Длинноносый посмотрел на Чу Бинхуаня, который остановил его, когда тот пытался прорваться через барьер.

Хуа Чэ смотрел на Длинноносого, как на идиота:

— Во-первых, он убил Цзо Ци, разве это не говорит о его ненависти к секте Шанцин? Во-вторых, я притворился культиватором-призраком, чтобы он почувствовал «родство душ», а барьер был сигналом, что мы на одной стороне. Разве это не очевидно? Как ты вообще сдал

экзамены в секту Шанцин?

Длинноносый был ошарашен и не нашелся, что ответить.

Хуа Чэ колебался, глядя на Чу Бинхуаня, и ему было трудно начать разговор.

— Ледыш, пойдем поговорим. — Хуа Чэ оттянул Чу Бинхуаня подальше и, убедившись, что вокруг никого нет, шепнул:

— Я знаю, что это слишком, но... можешь ли ты довериться мне и забрать Чжохунь, отпустив этого культиватора-призрака?

Зная характер Чу Бинхуаня, Хуа Чэ ожидал, что его тут же обвинят в пособничестве темным силам.

Если бы кто-то попросил его самого отпустить культиватора-призрака, он бы тоже с трудом согласился.

Поэтому Хуа Чэ уже пожалел о своих словах.

Лучше бы сам попытался освободить Чжохунь.

Ведь он уже был связан им раньше! У него есть опыт!

Чу Бинхуань:

— Хорошо.

Что? Либо он сейчас начнет ругаться, либо сразу ударит, но точно не... что?!

Хуа Чэ с удивлением посмотрел на Чу Бинхуаня:

— Ты... согласился?

Чу Бинхуань мягко ответил:

— Ты знаешь, что делаешь.

Хуа Чэ был ошеломлен:

— Ты мне веришь?

Чу Бинхуань почти не задумываясь:

— Верю.

Хуа Чэ словно не узнавал его.

Жители городка, разбуженные шумом, зажгли фонари и вышли на улицу с факелами, чтобы посмотреть, что происходит.

Внезапно из толпы раздался крик:

— Пожар!

Несколько соломенных хижин вдалеке загорелись, пламя бушевало, поднимаясь к небу! Огонь перекинулся на соседние дома, и жители в панике бросились тушить огонь, таская ведра с водой.

Вэнь Юань и Лу Яо поспешили использовать магию для тушения, но огонь оказался необычным — обычная вода не могла его погасить.

— Мой ребенок, мой ребенок еще внутри!

— Моя мать там спит!

— Папа, я хочу папу...

Пламя жадно пожирало все на своем пути, и Вэнь Юань с другими бросились в дома спасать людей.

Чу Бинхуань забрал Чжохунь и быстро активировал три талисмана вызова дождя, но дождь не смог ослабить огонь.

Хуа Чэ, наблюдая за этим, понял, что это Огонь души, питаемый духовной душой культиватора. Чем сильнее душа, тем сильнее пламя. Обычная истинная энергия не сможет его погасить.

Хуа Чэ, избегая языков пламени, заметил, что Ань Юй воспользовался суматохой и сбежал, что его немного успокоило.

Пожар начался внезапно, значит, поджигатель был где-то рядом. Кто был его целью? Жители городка?

Или Ань Юй?

Хуа Чэ достал флейту из пурпурного бамбука и, вложив в нее силу духовной души, начал играть. Мелодия, то плавная и нежная, то грустная и страстная, заставила всех, кто ее услышал, испытать смесь радости, печали и гнева. Люди потеряли связь с реальностью, не понимая, где они находятся и какое сейчас время.

Если сила мечника заключается в непревзойденном владении мечом, то сила музыкального культиватора — в убийстве без видимых следов, разрушении душ и умов, приводящем людей к безумию.

Если музыкальный культиватор добр, он может вдохновить тысячи воинов, оживить растения и вернуть жизнь всему существу.

Если он зол, он может довести армии до безумия, заставляя их убивать друг друга, превращая землю в кровавое месиво.

Хуа Чэ не стремился потушить огонь, его цель была отплатить тем же.

Тот, кто поджег город, должен был заплатить своей душой.

Чу Бинхуань, используя силу духовной души, смог немного ослабить пламя.

Сквозь густой черный дым Хуа Чэ заметил поджигателя, стоящего на вершине горы в сотне шагов от них.

Хуа Чэ сделал шаг вперед, но, едва ступив на крышу, резко остановился.

От того человека исходила густая аура смерти, словно от ядовитой змеи или обрушивающейся горы.

Это был не страх, а инстинктивная реакция тела, как у зайца, увидевшего тигра, или овцы, столкнувшейся с волком. Владыка Демонов, который мог убивать богов и демонов, не испытывал страха, но сейчас его тело, с его слабым уровнем совершенствования, не могло не бояться.

Внезапно он увидел, как тело того человека засветилось. Из-за расстояния Хуа Чэ не мог разглядеть, что он делает, но свет становился все ближе, превращаясь в сотни стрел!

Они заполнили небо!

Хуа Чэ знал, что с его уровнем совершенствования даже барьер не сможет остановить этот дождь стрел. Он крикнул:

— Му Чжаоя, талисман уклонения от молний!

У Мужун Са во Вселенной в рукаве было множество сокровищ, и талисман уклонения от молний не был исключением. Он активировал его, защищая весь городок, но несколько стрел все же прорвались сквозь защиту.

Сначала нужно было справиться с огнем, а теперь еще и с летящими стрелами.

Маленькая девочка упала на землю, слезы смешивались с кровью. Она плакала:

— Мама...

Три стрелы, созданные из истинной энергии, летели прямо на нее. Хуа Чэ, испугавшись, бросился вперед, используя флейту из пурпурного бамбука, чтобы разрушить две стрелы, и прикрыл девочку своим телом.

Он почувствовал холод в спине.

Что-то прошло сквозь его грудь, оставив пустоту.

Хуа Чэ не стал обращать на это внимания, поднял девочку и передал ее матери, которая, рыдая, упала на колени:

— Спасибо, мастер, спасибо за спасение моего ребенка!

Не дав себе передышки, Хуа Чэ бросился в погоню за поджигателем.

<http://bllate.org/book/15412/1362937>